

А. С. Степанова

ПОЛИБИЙ И СТОИКИ

(К вопросу о некоторых концептуально-терминологических параллелях)

Сам по себе факт зарождения исторического мышления в эпоху античности заслуживает внимания. Античные историки продемонстрировали примеры духовного подвижничества – обстоятельство немаловажное, особенно, если учесть общие интеллектуальные тенденции, в условиях которых возник исторический метод. По этому поводу Р.Дж. Коллингвуд писал, что в античную эпоху возобладала антиисторическая по своей сути линия Парменида – Платона. Вместе с тем он справедливо указал на присутствие и другой, противоположной тенденции, наиболее ярко, по его мнению, проявившейся в творчестве Геродота. Таким образом, классическая эпоха дала две крупных фигуры – философа Платона и историка Геродота, выступивших с диаметрально противоположных позиций. Коллингвуд так оценил смысл происшедшего: «Достижения Геродота настолько резко противоречили всему потоку греческой мысли, что они ненадолго пережили их создателя»¹. Но это слишком категоричное утверждение. Хотя метаморфозы античной философии и сыграли немаловажную роль в общей тенденции развития исторического мышления, следует предостеречь от односторонней трактовки этого мышления и попыток установления его прямой зависимости от философии. Коль скоро греками была открыта новая сфера знания, Геродот не мог не иметь преемников. Исторический пафос сочинения Геродота заключался в том, что его интересовали события.

В самом деле, доминировавшая долгое время философская мысль о том, что познать можно только неизменное, возможно и способствовала появлению труда такого историка как Фукидид, в связи с субстанциальной точкой зрения, господствовавшей в сознании греков его эпохи, апеллировавшем к изучению законов, по которым события якобы происходят. Но творчество Фукидида показывает, что в сознании греков присутствовала не только идея субстанции, но и закономерности, и пафос поиска законов, по которым функционирует такой новый объект исследований, как история, был вполне оправдан.

Можно предположить, что определяющую роль в различных направлениях исторического поиска играли не те или иные научно-философские концепции сами по себе, а исторические условия осуществления поиска, особенности мировосприятия, свойственные той или иной эпохе, а также индивидуальные особенности историков, писавших свои истории. Путь истории как нового вида интеллектуального творчества был вполне автономен. В связи с вышесказанным изучение творческой доминанты «Истории» Полибия представляет особый интерес, так как позволяет выявить те концепты, которые оказались востребованными в современную ему эпоху и дополняют наши представления о культуре в целом, в том числе проливают свет и на определяющие черты философской парадигмы эллинистическо-римской эпохи. То есть здесь существует обратная

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980. С. 30.

связь: изучение исторических повествований может служить методологической основой для понимания философской мысли.

Уже на первый взгляд некоторые общие интонации повествования Полибия кажутся знакомыми. Так, если обратить внимание на эмоциональный настрой сочинения историка, выражающий особенность его принципиальной позиции, то бросается в глаза, что даже общий пафос негативного отношения Полибия к «страстям», которые деформируют естественный ход исторических событий, – стоический по преимуществу (VI. 6. 4). Кроме того, Полибий подчеркивает разумный характер действий человека, отличающий его от поведения животных, что сразу определяет разум как доминанту не только человеческих поступков, но и исторических предприятий. Также Полибий отмечает умение человека «сохранить самообладание и благородство души среди всесокрушающих превратностей судьбы» (VI. 1. 6)². Понятие долга он связывает с одобрением, выказываемым лицам достойного поведения; отмечает, что достойным свойственно избирать справедливое и избегать неблагоприятных поступков (VI. 6, 8–9)³. Наконец, он отдает предпочтение смешанной форме государственного устройства (VI. 3. 7–8). Все эти положения напоминают стоические, но, скорее всего, лишь отражают общие идеи римской эпохи, отвечают рационалистическому способу мышления и не могут быть признаны всецело детерминированными стоическими идеями. Выражаясь словами Полибия, они подсказаны самим историческим опытом (VI. 3. 8).

Вместе с тем, памятуя о доминирующем значении стоицизма в интеллектуальной жизни той эпохи, предпримем попытку выявить и некоторые, не столь заметные на первый взгляд, общие для Стои и Полибия мировоззренческие парадигмы. Для этого следует обратить внимание на могущие иметь место аналогии, свидетельствующие об общей интенции мысли Полибия и стоиков, преимущественно на те моменты, которые получили концептуально-терминологическое оформление. Вникая в смысл изложения Полибия, не следует забывать о самостоятельности его суждений и акцентировании им внимания на принципиальном значении собственного исследовательского опыта историка или читателя (III. 9. 5).

У Полибия отчетливо просматривается упор на понимание – не на достоверность события (например, свидетельство современника и участника событий историка Фабия), а суждение о нем самого читателя. То есть, выражаясь словами Р. Коллингвуда, «мысль историка о событиях» интересует Полибия в большей степени, чем свидетельство очевидцев.

История Полибия – это заявка на изображение портрета новой эпохи. В его исторической концепции присутствуют черты, запечатлевшие своеобразие самого исторического развития переломного эллинистическо-римского периода, сказавшиеся и на специфике эллинистической философии, прежде всего стоической. Поскольку у Полибия предмет исследования – история – представлена как всеобщая, то и историография выступает в качестве особой универсальной формы мысли. Его труд как раз демонстрирует ту «форму интеллектуальной

² Здесь и далее цитаты приведены в пер. Ф.Г. Мищенко.

³ Понятия «одобрение» (συγκατάθεσις) и «долг» (καθήκον) – стоические. Первое было применено ранними стоиками в теории познания, второе – в этике. Полибий использует их в своей исторической концепции, проецируя человеческую активность на область истории и создавая тем самым теорию исторического поступка.

активности», которая, по мнению Х. Уайта, свойственна историческому сознанию⁴.

Рассуждая по поводу отношения греков к понятию «природа», М. Хайдеггер отмечал: «То, что противостоит физическому, есть историческое, есть область сущего, которую греки, однако, понимают, толкуя как развитие изначальной φύσις»⁵. В понимании греков эллинистической эпохи «природное» тождественно «универсальному». Полибий, задавшись целью написать универсальную историю, по существу включает в смысловое поле понятия «φύσις» и историю. В самом деле, он подобно стоикам широко оперирует понятием «природный» и выражением «по природе» (κατὰ φύσιν).

Вместе с тем «природный» в его представлении – «законосообразный», и эта ссылка на природный закон (νόμος) весьма существенна постольку, поскольку речь идет об исторических событиях. Так, Полибий говорит об управлении государством или о «порядке природы» (φύσεως οἰκονομία), в соответствии с которым происходят изменения и совершается взаимный переход форм правления (VI. 9. 10). При этом «природное» как качественная особенность субъектов истории играет у Полибия существенную роль. Так, у истоков государственности пребывает природная слабость самих людей, вообще он отмечает свойства человеческой природы и условия, при которых они могут быть потеряны, например, неправильное воспитание (I. 81. 10), – все это чрезвычайно важно для концепции в целом. Семья как ячейка государства также возникает естественным образом – κατὰ φύσιν (по природе). Наконец, смена трех лучших форм государства тремя худшими тоже происходит в соответствии с природой. Поэтому Полибий не столько расширяет сферу применения понятия «φύσις», механически распространяя его на историю, но скорее «φύσις» у него оказывается включенным в концепцию истории. Общий смысл используемого здесь понятия «природный», по-видимому, означает не просто генетическое свойство, но «целесообразный», исторически обусловленный характер природы как воплощения принципа всеобщности. Безусловно, этот целесообразный характер самой природы проявляется в разумной деятельности человека. Так, поведение киневрян изменилось вследствие пренебрежения «установлением предков, прекрасно задуманным и верно рассчитанным на природные свойства всех жителей Аркадии» (IV. 20. 4). Здесь мысли Полибия несомненно перекликаются с рассуждениями стоиков о жизни, согласной как с общей природой, так и с природой человека. В понимании Полибия-историка важнейшей ипостасью общей природы является климат. Так возникает идея географического детерминизма: природные свойства народов зависят от климата (IV. 21. 2)⁶.

Сам Полибий обращает внимание на то обстоятельство, что впервые в поле зрения историка попадает всеобщая история. Задачи самой исторической прагматики требовали обобщений, и, по словам Полибия, он решил писать о всеобщей истории (I. 4. 6). Историк активно использует идею всеобщности, передавая ее с помощью понятия «общий» (κοινός), применяя его при обозначении способа поведения прежде всего в условиях военных действий, например κοινολογία (совместные действия). Естественно, что его интересуют прежде всего общегосударственные дела (κοινὰ πολιτεία). Наряду с этим используются и термины

⁴ Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века // Studia humanitatis. Екатеринбург. 2002. Т. 8. С. 21.

⁵ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997. С. 101.

⁶ О влиянии климата на способности человека подробно писал еще Аристотель.

κοινοβούλιον (общее собрание), κοινодίκαιον (общий суд), κοινωνικός (общительный). Он говорит и о здравом смысле как общем понимании (κοινή ἔννοια)⁷.

Идея всеобщности была актуальной интеллектуальной парадигмой эллинистическо-римской эпохи. Уже эллинизм дает яркое ее воплощение на примере κοινή (общего наречия). Его дополняют κοινή ἐιρήνη (всобщий мир), κοινολογία (совместная беседа). Значительные перемены в интеллектуальной сфере отражены в терминах, активно используемых стоиками, например, κοινή ἔννοια (общее понятие), κοινὸς λόγος (общий логос), κοινή ποιότης (общее свойство), κοινωνικὸν ζῷον (общественное животное, или человек). Здесь сказались новые тенденции, которые привели к выдвиганию на первый план не «номоса» (по меткому определению М.К. Петрова, «остановленной в письменности речи»), а «логоса», ставшего выразителем всеобщности – символа мира общения, перешедшего границы гражданского (в рамках полиса) общения. Не случайно «интерес к речи-логосу, к форме и содержанию логоса в значительной степени сместился к форме...»⁸. Для Полибия важно повествование о людях и событиях, вовлеченных в общий исторический процесс. При этом его интересуют отдельные исторические действия в их совокупности, собственно событийное поле как особое пространство исторического бытия. Традиционный аналогический метод в своем повествовании он пытается дополнить логическим, и в этом он следует канонам Стои. Это особенно заметно там, где Полибий говорит о причинной (внутренне обусловленной) связи событий (συμπλοκή, букв.: сцепление). Таким образом, дедуктивная парадигма и доктрина исторической причинности у Полибия присутствуют в неразрывном единстве, будучи сориентированы на коренной концепт «всеобщего».

Отметим и принципиальное значение того обстоятельства, что понятие «всеобщего» соотносится у Полибия с понятием «система». Данное утверждение подкрепляется терминологически. Как известно, стоики впервые применили термин σύστημα для обозначения космоса. Полибий называет термином σύστημα государство римлян (VII. 10. 14). Человеческие же сообщества как олицетворение Целого он обозначает с помощью формы множественного числа: συστήματα (VI. 5. 10). Само понятие системы, закрепленное терминологически, будучи примененным к истории имеет огромное значение, поскольку выражает идею «целостности». Если Полибий объективно и выступал как идеолог римского государства, якобы выполнявшего историческую миссию объединителя других народов, то вместе с тем он и искренне верил в идею Целого.

Когда Полибий говорит о том, что с определенного события (καίρως) (т.е. победы над Карфагеном) римская история становится как бы одним целым, для обозначения этого вновь возникшего качества истории «быть всеобщей, целостной» он употребляет термин σωματοειδής (телообразный). История становится зримой, обретает вид «тела». Так в неожиданном соотношении выступают понятия «целостность», «всеобщность» и «телесность», адресуя нас к понятию «телесности» в концепции стоиков (I. 3. 4)⁹. Подход Полибия, создававшего

⁷ Термин ввели ранние стоики для обозначения рациональных форм мысли как результата обобщения чувственного опыта, высшего уровня идеализации.

⁸ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 55.

⁹ Понятия, связанные с «телесностью» (термин σωματότης) обычны для эллинистической философии. По-видимому, существовала проблема восприятия телесности. Так, Секст Эмпирик утверждал: «Зрение не может схватить телесную массу. Ибо оно видит только акциденции массы» (Против ученых, VII. 294). Стоики утверждали, что «границы тел существуют лишь в понятии» (SVF. II. 488). Интеллигибельный характер подобного существования они описывали с помощью глагола ὑφίστημι.

обобщенный образ исторического мира как сложной системы, будучи по существу своему философским, действительно напоминал стоический. Р. Коллингвуд по этому поводу писал: «Идея всего мира как единого исторического целого представляет собой типично стоическую идею, а стоицизм – типичный продукт эллинистического периода»¹⁰. Вместе с тем точно так же можно сказать, что это типичная идея Полибия. Он создавал концепцию всеобщей истории (представшей зримо взору историка) как живого воплощения этой идеи Целого параллельно со стойками, которые разрабатывали философские основания этой идеи, соответствовавшей самой духовной атмосфере времени. И концепцию естественно обусловленного исторического цикла следует рассматривать как выражение новой парадигмы мышления, исторической по существу и противостоящей мифологической.

Поэтому представляет интерес сопоставление исторической мысли Полибия с парадигмой мифологического мышления. Для мифологического мировосприятия характерна циклическая модель, предполагающая движение по кругу, отличительная черта которого – замкнутость, т.е. отсутствие начала и конца. «Движение по кругу не допускает изменения направления. Эта модель ограничивает временную перспективу. Ей не свойственны понятия истории и прогресса. В ней ослаблено “чувство нового”, но усилено “чувство тождества”, придающее существованию стабильность. На фоне такого мироощущения концепт цели не может обрести основополагающий для деятельности человека статус: мотив, действие и цель образуют нерасчлененный комплекс»¹¹. М. Элиаде также отмечает: «В проявлениях своего сознательного поведения “первобытный” архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком... Его жизнь – непрерывное повторение действий, открытых другими»¹².

Каков ход мысли Полибия? Отмечая порядок истории, ориентированный на циклическую смену государственных устройств, Полибий вводит термин *ἀνακύκλωσις*, семантика которого не ограничивается словом «круговорот». Это подтверждается значениями слова *κύκλωσις* (окружение, колонна, совершающая обходной маневр). Характерно, что термин употребляли Ксенофонт и Фукидид при описании военных действий. Данный термин, будучи *moten actionis*, фиксирует, во-первых, смысловые моменты, связанные с движением в пространстве, «маневр, передвижение, изменение направления», а во-вторых, содержит смысл «приложения усилий», т.е. сознательного изменения чего-либо¹³. Таким образом, термин *ἀνακύκλωσις* у Полибия имеет смысл более широкий, нежели просто «круговорот как возвращение к исходной точке», он приобретает исторический смысл, означая круговорот государственных образований либо государственный переворот (*ἀνακύκλωσις πολιτικῶν*). Цикл исторического развития, по Полибию, – это своеобразное двойное изменение, движимое причинами либо внутреннего характера, либо внешнего (VI. 10. 2–4). Схема исторического цикла, представленная Полибием, передает своеобразное представление историка о циклизме: происхождение и становление (*ἀρχαὶ καὶ γενέσεις*), рост (*αὐξήσις*), расцвет (*ἀκμή*), изменение (*μεταβολή*), исход (*τέλος*). Полибий здесь

¹⁰ Коллингвуд. Ук. соч. С. 34.

¹¹ Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 17.

¹² Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 33.

¹³ Ср. значение глагола *κύκλω* («обводить, вводить, ввинчивать»), которое предполагает наличие субъекта действия.

использует термин *τέλος* (обычное значение которого «цель») для обозначения завершения исторического процесса. Вместе с тем для передачи смысла, выражающего окончание, завершение чего-либо, в своем сочинении он неоднократно использует другой термин – *συντέλεια*, который одновременно означает у него и «политическое объединение» (III. I. 9). Почему он использует именно термин *τέλος*? Представляется, что здесь можно прибегнуть к следующему объяснению, которое подсказывает нам специфика этической концепции стоиков. Так, последние целью (*τέλος*) называли исполнение, осуществление мудрости, делая акцент на процессе реализации и даже на принципе поведения. Поэтому последнюю стадию цикла в схеме Полибия наилучшим образом можно передать словом «осуществление», чтобы подчеркнуть процессуальный характер изучаемого объекта – истории, когда последняя стадия является не просто окончанием, а логическим продолжением и завершением моментов, фиксируемых предыдущими стадиями развития. Одновременно *τέλος* – не просто конечный пункт, но и принцип данного движения, точнее, его цель. Одним словом, схема Полибия достаточно сложна, чтобы отождествлять ее с традиционным образом мифологического круга, движение по которому происходит по заранее известному сценарию. Она отражает процесс, в нее включен момент изменения (действия), смысл которого разъясняет Полибий. От природы государственным формам свойственно извращение (VI. 10. 4)¹⁴. Кроме того, сам механизм исторических перемен предполагает наличие противоположностей, из учета этих взаимных противодействий и следует исходить при учреждении форм правления, как и поступил Ликург (VI. 10). Так и римское государство, сложившись естественным образом, должно перейти к противоположному устройству.

Любопытны эти рассуждения Полибия, поскольку речь на самом деле идет о понятиях тождества и различия применительно к государственным формам. Он по существу отрицает их абсолютный смысл, говоря об относительности сходства и различия, что подтверждается его мыслью о наличии промежуточных политических форм (VI. 9. 10). Когда историк говорит, что «изобретая много нового, судьба никогда еще не совершала ничего подобного», он отрицает тем самым тождественность начала и конца (I. 4. 5). Сам Полибий задачей исторически мыслящей личности признает знание начала и конца. Сама эта постановка вопроса предполагает их отличие. Любопытно, что об этом же говорит и Марк Аврелий, указывая на отличительное свойство образованного человека, долженствующего знать начало и конец (V. 32). Говоря так, Марк Аврелий также подразумевает цель (*τέλος*), но цель там, где существует сознательное действие человека, ибо в категории цели наиболее ярко выразилась человеческая активность.

Поэтому, хотя он и остается в своем времени, не освобождаясь окончательно от идеи цикла (закон возрастания через изменение ведет к упадку и завершению), Полибий демонстрирует стиль мышления, ориентированный не на миф, а

¹⁴ Приводится пример со ржавчиной на железе; ср. мнение стоиков о порче воды и превращении ее в болото. Хрисипп, которому приписывается это мнение, высказывает мысль о внезапном изменении или даже о внешнем воздействии (SVF. II. 592). Полибий же говорит о другом, о существовании определенной закономерности в самой природе форм, в результате которой государственные формы переходят одна в другую. Идею подобного перехода можно встретить в разделе стоической физики, где речь идет не только о превращении и изменении элементов, но и об их переходе одного в другой, а также о проникновении тел друг в друга (SVF. II. 592, 602) или о переходе одушевленных частей мира в неодушевленные и обратно (SVF. II. 605).

на историю. Более того, циклическая модель истории Полибия, ориентированная на нестабильность исторического бытия, подверженности мира обновлению, предполагает поступательное движение. И уж совершенно определенно Полибий, опираясь на открытый им закон, мыслит возможность предсказывать будущее и осуществлять какой-либо замысел (VI. 9. 12). Смысл самой идеи смешанных политических форм заключается в признании возможности вырваться из предназначенного круга, обрести хотя бы временную стабильность (VI. 10. 6–8). Доминирующее значение при таком подходе получает понятие времени. Все происходящее в истории соотнобразуется со временем. Изменения государственных форм происходят с течением времени. Время рассматривается не просто как необходимое условие правдоподобного рассмотрения событий, высказывается убеждение в существовании внутренней связи предмета рассмотрения со временем (VI. 11. 10)¹⁵.

Лейтмотив сочинения Полибия, особенно в той его части, которая касается смешанных государственных форм, сводится к убеждению в необратимой направленности римской истории, а это уже манифестация чисто исторического взгляда. Вместе с тем историк нередко выдает желаемое за действительное, впадая в противоречие. Безусловно, как прагматик, создающий рационалистическую доктрину и, наконец, как истинный ученый, Полибий не может не быть последовательным в своих взглядах (следуя предлагаемому им стадийному закону), поэтому он вынужден признать общую судьбу и смешанных форм государства, а именно: они, «как и простые формы, подпадают под действие биологического закона»¹⁶. Мы полагаем, что сама противоречивость взглядов Полибия проистекает не только из его амплуа идеолога Рима или даже из-за приверженности «теории простых форм»¹⁷, но из самой специфики его общего исторического взгляда, который противоположен идее цикла и отличается глубиной мысли. В чем же эта специфика?

В повествовании Полибия постоянно просматривается историческая перспектива: события разворачиваются от начала к концу, от прошлого к будущему. Сам историк не устает повторять о чрезвычайной значимости исторического знания для настоящего и будущего (I. 4. 5; III. 4. 9). В этой актуализации настоящего слышны нотки морализма стоиков, которые и в физической части своего учения, посвященного проблеме времени, акцентировали ценность настоящего: «существует только настоящее» (SVF. II. 518). Но у стоиков настоящее всегда осмысливается в перспективе будущего. Та же мысль очевидна и у Полибия, причем его заботит не божий промысел, а реальная задача предсказания будущего, которую он ставит в зависимость от знания и понимания хода истории и долга, который есть начало и конец справедливости (VI. 6. 5–8). Полибий, отмечая важность исторического подхода к жизни, подчеркивает значение мысленного проникновения в будущее, демонстрируя признание целесообразного характера исторического процесса, ход которого отмечен вехами «начало – конец». Это напоминает подход стоиков, искавших новые методы дедуктивного

¹⁵ Ср. с проблемой соотношения причины и времени у стоиков. Мы склонны считать, что время у стоиков играет роль не просто условия действия причины, а того функционального отношения (λόγος), которое складывается между причинами во всей причинной цепи (*Clem. Al. Strom.* VIII. 9).

¹⁶ *Тыжов А. Я.* Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 33.

познания, позволяющих «заглянуть» в будущее (учение об аксиоме). И предсказание о будущих событиях, и историография равным образом нацелены на гипотетический конструкт. При этом Полибий, повествуя о реальной истории, высказывал мысль об актуализации истории как возможности, выделяя активность каждого человека – участника истории в качестве доминирующего начала. Он подчеркивал роль проективного мышления как для исторического познания, так и для хода самой истории, за которую люди несут ответственность: они «вникают в происходящее, огорчаются настоящим и, предвидя будущее, заключают о том, что каждого может постигнуть» (VI. 9. 10)¹⁸. Складывается впечатление, что Полибий как будто ощущал и свою особую историческую миссию. Именно подобное размышление должно подвигнуть людей на совершение исторически значимых поступков.

Здесь есть еще один план понимания, касающийся восприятия времени: Полибия интересует не просто прошлое, но прошлое в его отношении к настоящему и будущему (I. 3. 4). Прошлое же и будущее получают смысл только в соотношении с настоящим, и история всегда существует в момент «теперь». Историк постоянно обращается мыслью к настоящему, пытаясь понять ускользающий его смысл: что это за особое бытие, которым является новая общность – римское государство? При такой постановке вопроса у Полибия субстанциальность исчезает, место сущности (οὐσία) занимают τὰ συμβεβηκότα (события). Поэтому не случайно, что именно Полибий был историком, который впервые использовал сам термин «история» не в широком смысле исследования вообще, а именно в современном нам смысле. Эта детерминация событий временем не позволяет безоговорочно принять мнение Р. Коллингвуда о том, что «Полибий примирился с субстанциальной тенденцией, господствовавшей в общественном сознании и в его эпоху»¹⁹. Было бы, конечно, слишком смелой модернизацией признание факта отсутствия понятия субстанции у Полибия, но это уже не субстанция в абсолютном смысле слова как неизменная сущность, ибо история предстает скорее как явление, вдруг вышедшее на поверхность, обнаружившее ранее сокрытые черты. Историка интересует не только начало и конец событий, но в большей степени сам ход истории, приведший к определенному результату. При таком подходе к объекту исследования просматриваются контуры концепции линейного времени. Полибий пытается выявить формальную связь событий, их функциональную зависимость, поэтому не случайно у него и подробное перечисление разнообразных функций судьбы²⁰.

Не только время, но и пространство воспринимаются Полибием как категории, имсущие отношение к конкретной исторической реальности, и раскрывают свой истинный смысл лишь обнаруживая некое общее свойство «нахождения здесь». Мысль историка движется не только в промежутке времени (διάστημα)²¹, но и в пространственных координатах.

¹⁸ Здесь выражена убежденность Полибия в возможности и даже необходимости предвидения будущего, что соответствовало взглядам стоиков, но контрастировало с убежденностью Аристотеля в непредсказуемости будущего.

¹⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 36.

²⁰ Просматривается связь с идеей функциональности у стоиков: начиная от выявления основных функций Зевса и всего разнообразия функций причин до функций души.

²¹ Термин использовали стоики, давая определение времени; характер применения данного термина показывает, что они говорили не просто о пространстве, но о движении в пространстве, а именно о «промежутке движущегося космоса» (SVF. II. 510, 515, 516).

Любопытно, что у исследователя эпохи эллинизма И. Дройзена можно обнаружить идею такого пространства-конструкта. Дройзен делает важное, по его словам, замечание, которое касается способа нашего чувственного восприятия и эмпирического познания и роли в них понятий времени и пространства. Время и пространство имеют диаметрально противоположные свойства: время, выражающее поток становления, всегда преодолевает «инертное» пространство, которое вместе с тем имеет тенденцию к расширению (распространению). Он отмечает, что наиболее общие взгляды на пространство и время остаются пустыми, пока они не получают требуемого содержания. Так, требуется «распознать» детали, характеризующие эти две категории, а для этого недостаточно знать, что означает выражение «они существуют», необходимо понять значение того, что они именно «здесь существуют»²². Эти мысли Дройзена – историка в высшей степени примечательны в их соотнесенности со взглядами, выражающими мироощущение Полибия²³.

Актуализация «исторического», его зримое (телесное)²⁴ присутствие в настоящем, наличном бытии (здесь – бытие) обусловлено самим свойством комплекса «пространство – время». Понятие «пространство – время» (хронотоп), таким образом, неотделимо от понятия «история». Римская история в интерпретации Полибия предстает как процесс, сориентированный не только во времени, но и в пространстве.

В самом деле, вместе с географическим ландшафтом эллинистическо-римского мира интенсивно менялось и его историческое лицо: все большее число регионов и народов вовлекалось в единый исторический процесс. Менялись и способы его восприятия. Для Полибия эпистемологически была значима совокупность событий, выступающих как единое целое. Так, македоняне, по его убеждению, о многих народах Европы не имели и понятия, и только сама история в ее римском воплощении приоткрыла завесу неизвестности, расширила объем знаний об обитаемом пространстве (I. 2. 6–7).

Не случайно Полибия интересуют места событий (*τόποις τῶν πραγμάτων*), пространства (термин *χώρα*)²⁵, земли, ранее неведомые людям.

Историк четко говорит о том, что его интересует событийный аспект, причем контуры событий (*συμβεβηκότα*), сами события, их взаимосвязь, а не их простая преемственность²⁶. Характерно, что для обозначения событий Полибий использует разные термины: *ὁ καιρός, ἡ πρόξις, τὸ πρόμα, τὰ συμβαίνοντα*. Это свидетельствует о том внимании, которое он уделял данному понятию в своей концепции. Некоторые термины у Полибия многозначны. Так, *ἡ πρόξις* – это еще и «опытность, предприимчивость, хитрость», *ὁ καιρός* – «своевременность, благоприятный момент, критический момент», *τὰ συμβαίνοντα* – «случайные обстоятельства». Таким образом, выявляются оттенки смысловых значений, которые, по-видимому, интересовали Полибия.

²² Droysen I.G. *Historik. Vorlesungen über enzyklopädie und methodologie der Geschichte*. München–Berlin, 1937. S. 9.

²³ В дальнейшем этот концепт пространства в форме экзистенциального пространства получает развитие в философии М. Хайдеггера, в которой выявляется значимость бытия-истории.

²⁴ Термин *σώματοειδής* (телообразный).

²⁵ Термин впервые использовали стоики, введя понятие бестелесного пространства.

²⁶ Под преемственностью здесь, видимо, следует понимать хронологические контуры, а не событийные. Возникает концепт реального, не математического или физического, а исторического пространства.

Полибий задается вопросом: когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира? и как случилось, что все народы подпали под власть римлян? (I. 1. 4). Уже сама постановка проблемы для античной мысли, находившейся всецело во власти рока, неожиданна, поскольку акцентируется новизна происходящего в мире, то свойство, которое никогда прежде миру не было присуще. Так, одной из функций судьбы является ее способность к совершению нового (*καινοποιοῦσα*) (I. 4. 4). Вообще судьба столь многофункциональна, что, по Полибию, – это по существу сам опыт (VI. 10. 13).

Судьба у Полибия – понятие многозначное, а такие ее свойства, как способность к совершению обновления, ускорения и даже объединения событий в единое целое, позволяют трактовать этот отнюдь не второстепенный «персонаж» Полибиева труда как особую физическую силу, производящую действие. Судьба попадает, таким образом, в пространство действия причинно-следственных связей. Схема причинно-следственной связи, выдвигаемая Полибием, известна: *αἰτία* (причина), *πρόφασις* (повод), *ἀρχή* (начало). Схема, представляющая связь трех указанных моментов, многократно исследована, и верно то, что для обозначения этой связи Полибий «разработал систему терминов» и «закрепил за каждым ее элементом постоянное место»²⁷. Полибий так же, как и стоики, устанавливал иерархию причин, но для него это причины, участвующие в историческом процессе. Поэтому как историк особое внимание он должен был обратить на содействующую или вспомогательную причину.

П. Педек исследовал все оттенки понятия «причина» у Полибия и сопоставил с аналогичным понятием у стоиков. Он справедливо отметил, что анализ стоиков намного сложнее, чем у Аристотеля. Отметим со своей стороны: анализ причин у Аристотеля вообще принципиально другой. У стоиков нет речи о том, что один предмет является причиной другого предмета. Предмет всегда лишь причина качественного изменения существующего предмета. Для стоиков всегда актуальна совокупность причин. Так называемые «вторичные» (сопутствующие) причины, говорит П. Педек, образуют причинный пучок²⁸. В нем присутствуют предварительные условия (*προκαταρκτικά*), главные или совершенные причины (*συνεκτικά*), содействующие или смежные причины (*συναίτια, συνεργαία*) (SVF. II. 346, 351, 945). Причины последнего вида способны ускорять процесс. В классификации Полибия именно эта содействующая причина играет немаловажную роль как аналог случайности и пособница событий. Возможно, этот аспект (т.е. случайность) выделил сам Полибий, не находя подходящего понятия в стоицизме. Важно другое: и стоики, и Полибий существенно расширили (по сравнению с Аристотелем) спектр самих причин и сферу их действия.

В связи с этим для того, чтобы составить более полное представление о понимании причинности Полибием, недостаточно ограничиться общеизвестной схемой, необходимо рассмотреть часто употребляемый им термин *ἄφορμή* (причина, основание) (I. 3. 10; 20. 12; IV. 50. 3; IV. 77. 2; XIII. 5. 7)²⁹. Варианты употребления *ἄφορμή*, которые перечислил А. Мауерсбергер, в основном следующие: причина (основание) (II. 52. 3), исходный пункт, база военных действий (I. 41. 6; IV. 50. 3; V. 58. 5; XVI. 29. 1), материальные ресурсы (I. 3. 10; 20. 12),

²⁷ Тыжов. Ук. соч. С. 10.

²⁸ Pedech P. *La méthode historique de Polybe*. P., 1964. P. 68.

²⁹ Хрисипп употреблял термин *ἄφορμή* в значении отклоняющей способности разума, признавая тем самым наличие в мире случайности как проявления независимости причинных рядов! (*Plut. Oper. mor.* X. 10–11).

предпосылка действий (V. 35. 10), подготовительный пункт, средство (I. 82. 4), шансы, перспектива (I. 88. 2), повод, побуждение (I. 72. 1; II. 59. 2), повод, походящий случай, предпосылка в смысле возможности (I. 55. 6), полномочие (XXXI. 33. 5), способ и путь (VIII. 21. 8)³⁰. П. Педек дополнил перечень случаев употребления ἄφορμῆς может обозначать и даже природные дарования личности (IV. 77. 2; XIII. 5. 7), отметив, что самый распространенный смысл выражен в значении ἄφορμῆς как средства действия³¹.

П. Педек предположил, что πρόφασις – это объявленный повод, выраженный в форме публичного заявления, а ἄφορμῆς – обозначение объективного факта, выполняющего функцию исходного пункта, трамплина к последующим событиям. Таким образом, πρόφασις – лишь умственная конструкция. Термин же ἄφορμῆς, как утверждает П. Педек, употреблялся историком для обозначения возможности (случая) как той точки опоры в причинно-следственном ряду, которая «придает действию некий разбег»³². Так, Полибий говорит, что тиран Спарты Набис давно искал случай (ἄφορμῆς) для претензий к Мегалополю и ожидал предлога для ссоры с ахеянами (XIII. 8. 7). Также и Тиберий Семпроний, ждавший повода для действий, откликнулся на просьбу кельтов о помощи (III. 69. 8). Случай и предлог был представлен и Аристоммаху, чтобы избавиться от противников (II. 59. 9). В этих примерах речь идет о случайных предлогах (ἄφορμαί) как внешних факторах, провоцирующих дальнейшие действия, и ἄφορμῆς здесь просто служит заменой πρόφασις (повода). При этом смысловой строй трехчленной этиологической схемы Полибия не нарушается.

Вместе с тем в тексте Полибия имеются примеры, доказывающие наличие более широкой смысловой гаммы понятия ἄφορμῆς. В этих случаях схему необходимо расширить, и она примет вид: αἰτία (причина), πρόφασις (повод), ἄφορμῆς (обстоятельство, мотив), ἀρχή (начало). Тем более что иногда встречаются сочетания слов: ἄφορμῆς καὶ πρόφασις или даже αἰτία καὶ ἄφορμῆς (XIII. 8. 7). Таким образом, ἄφορμῆς отличается от αἰτία и πρόφασις. По-видимому, Полибий обращает внимание на всю совокупность обстоятельств (иногда необходимых, иногда случайных), которые, например, спровоцировали вторжение Рима в Сицилию. Так, война Антиоха имела исходные точки в войне Филиппа, война Филиппа – в войне Ганнибала, а война Ганнибала – в Сицилийской войне (III. 32. 7). Полибий высказывает убеждение в необходимости учитывать и промежуточные события, вся совокупность которых ведет к одной и той же цели. Когда Полибий, подытоживая, заключает: «Таковы были причина и обстоятельство союзнической войны» (τὴν μὲν οὖν αἰτίαν καὶ τὴν ἄφορμὴν ὁ συμμαχικὸς πόλεμος ἔσχευ – IV. 13. 6), под причиной он имеет в виду предварительные принятые решения Арата и этолийских вождей. Поводом же (здесь должен был бы быть термин πρόφασις) явились те оскорбления, которым Доримах подвергся в Мессене.

Помимо этого для Полибия существенное значение имеют все инциденты (обстоятельства), произошедшие в рассматриваемый период, в том числе и набег этолийцев на Мессению, и, наконец, само сражение при Кафиях. Вся взаимосвязанная цепь этих событий и есть на самом деле ἄφορμῆς (ἄφορμῆς шире, чем πρόφασις). Сущность всеобщей истории раскрывается через рассмотрение последовательного хода событий, что и способствует пониманию. Поэтому можно согласиться с мнением П. Педека, делающего следующий вывод: ἄφορμῆς обо-

³⁰ *Mauersberger A. Polybios-Lexikon. Bd I. B., 1956. S. 303.*

³¹ *Pedech. Op. cit. P. 91.*

³² *Ibid.*

значает все разновидности причинных отношений, которые могут объединять последовательные факты. Полибий, очевидно, упорно стремился к созданию последовательных логических рядов³³. Безусловно, это так. Но термин ἄφορμιῆς служит для обозначения причины в самом широком смысле и соответствует συνεκτικόν (основная, связующая причина) стоиков, символизируя не только такое свойство, как указание на множественность причин (все обстоятельства), но и решающую роль данного вида причины в историческом процессе. Более того, ἄφορμιῆς, кроясь в самой логике событий, призвана подчеркнуть их преемственность, и в этой роли выступает скорее как причинность.

Отметим, что объяснение причины у Полибия отнюдь не сводится к раскрытию целевой причины, как у Аристотеля. Для него важнее понять, как и почему происходят изменения. Причинность рассматривается как связь состояний. Здесь Полибий, по-видимому, демонстрирует приверженность принципу непрерывности, которая была свойственна античной мысли до эпохи эллинизма. Этот принцип был введен Аристотелем в естественную историю³⁴. Вместе с тем просматриваются и черты аристотелевской концепции движения, основанной на идее близкодействия. Метод Полибия, на наш взгляд, демонстрирует применение идеи непрерывности в историческом исследовании. Понятие ἄφορμιῆς и является выражением исторической причинности, действие которой приводит к сжатию фактов, подлежащих исследованию историка. Поэтому, как точно подметил П. Педек, задача историка по Полибию заключается в том, чтобы объединить факты в наиболее плотный пучок³⁵. В этом, на наш взгляд, проявляется и стремление Полибия к обобщению (в духе стоиков).

Здесь следует отметить факт использования стоиками двух терминов, на наш взгляд, являющихся обозначением двух разных понятий: αἴτιον и αἰτία. Первое понятие есть причина в собственном смысле слова, которая телесна (например, солнце, нагревающее камень)³⁶, второе – выражение причинного отношения и одновременно словесное описание существующей между телами зависимости, которая бестелесна. Термин ἄφορμιῆς у Полибия содержит намек на идею причинности как взаимосвязи событий. Таким образом, Полибий уходит от простого описания событийного ряда, которое можно назвать статическим и которое мы наблюдаем у Фукидида. Полибий как историк во многом опередил свое время самой постановкой проблем и выбором объекта исследования: его интересует преемственность событий, их взаимосвязь, в то время как такой аттический историк, как Филохор³⁷, обращает внимание только на непосредственные причины, очерчивая хронологические контуры событий, не заботясь проблемой преемственности. Причинность, которая действительно играла существенную роль в исторической концепции Полибия, предстает в роли исполнительницы функции всеобщей продуктивной связи между событиями. При этом причинность не всегда предстает в качестве необходимости³⁸. Поэтому судьба выступа-

³³ Ibid. P. 91, 92.

³⁴ Аристотель говорит о том, что природа делает границу между живым и неживым неуловимой, чем подчеркивается момент непрерывности (О душе. XI. 1075a; ср. De animal. hist. 588 b).

³⁵ Pedech. Op. cit. P. 92. См. Polyb. III. 6. 3; XXIII. 18. 8.

³⁶ См. Sext. Emp. Руп. Нур. 3. 14.

³⁷ На этот факт указывает П. Педек: Pedech. Op. cit. P. 69.

³⁸ Пример климата как причины характера народов, приводимый Полибием, правда, скорее указывает на тождество причинности и необходимости. Ср. с концепцией Хрисиппа, отрицавшего наличие тождества между судьбой (причинностью) и необходимостью (SVF. II. 916).

ет у Полибия иногда как сверхъестественная сила (иррациональное начало, нарушающее обычный ход вещей, противодействующее непреложности причин). Но «логическое» у Полибия, как начало, структурирующее ряд разумной природы, всегда открыто для дополнения психологическим.

История по Полибию – это пространство встречи опыта судьбы и опыта отдельных личностей. Здесь наиболее отчетливо проявляется цена поступков человека, противостоящего судьбе. Полибия интересуют не только события, но именно действия, а «действие – единство внешней и внутренней сторон события»³⁹. За действиями всегда просматриваются мотивы – внутренняя сторона событий. Затрагивая тему действий исторического субъекта, Полибий использует понятие «мотива».

Термин ἄφορτί, выступающий в качестве особого вида причины, может включать в себя и мотив действий (I. 5. 2). Разработка темы мотива действий уходит корнями в сферу психологии. Здесь важен момент разграничения субъективного и объективного аспектов. Причина и следствие относятся к реальным событиям, мотив и цель – к состояниям сознания. Мотив как побуждение к действию не тождествен целям, он есть лишь желание достигнуть определенной цели. Причина может корениться во внутреннем мире человека, но нередко она отождествляется с мотивом действия, «приобретает свойственную ему субъективную модальность и входит в контакт с целью действия. Пара «мотив – цель» заменяется парой «причина – цель»⁴⁰. Полибий, а затем стоик Посидоний продолжили тему психологической мотивации. Полибий кладет конец нерасчлененности понятий: мотива (πρόφασις), отделяя при этом мотив от причины как субъективное от объективного, действие (его начало) и цель. Конечно, здесь присутствует некоторая неопределенность, поскольку πρόφασις иногда тождествен ἄφορτί⁴¹. Мысль о разграничении причины, действия и цели является дополнительным свидетельством факта рождения нового – исторического – мышления. Этот тип мышления кардинальным образом порывает с мифологическим, поскольку цель, будучи спроецирована в будущее, всегда предполагает свое осуществление, действие. Цель соединяет два момента: начало действия (замысел) и конец (его осуществление). Цель предполагает движение, сам путь к осуществлению. Вместе с тем характерно, что конечную цель действий Полибий усматривает в самих действиях. С таким пониманием согласуется и выбор метода повествования: «ознакомление с состоянием отдельных государств» (III. 4. 12).

Отметим особо, что в сочинении Полибия как раз фиксируется момент осознания особого, ранее не осуществлявшегося действия, отвечающего требованиям новизны и связанного с личной ответственностью за него⁴². То, что причиной природных свойств народов является климат, еще не означает, что здесь ничего изменить невозможно. Полибий убежден (и он доказывает свою правоту в споре с Эфором) в действенном характере поступков людей, особенно проявляющемся в облагораживающей роли воспитания (IV. 4–11).

Возвышение личностного до уровня всеобщего было нравственным открытием эпохи эллинизма. Но римскому сознанию свойственна также, по словам

³⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 203.

⁴⁰ Арутюнова. Язык цели. С. 15.

⁴¹ Так, во французском переводе ἄφορτί дано как «мотив» (Polybios. Historia / Trad. R. Well. P., 1989. P. 24).

⁴² Здесь присутствует двойственный момент – новизна зависит и от роли судьбы, и от сознательного участия в событиях человека.

В. Дильтея, «способность к постижению индивидуальности»⁴³, которую, по нашему мнению, в еще большей степени, чем Тацит, продемонстрировал уже Полибий. Убеждение Марка Аврелия в том, что «цель – это сам поступок» (XII, 8), является свидетельством выхода и философского сознания в сферу исторического как пространства событий и действий. Вместе с тем это и актуализация римского постижения индивидуальности, первый опыт которого продемонстрировал Полибий в своем историческом сочинении. Особенность творческого потенциала историка проявилась в движении его мысли в пределах границы общего и индивидуального. Описание Полибия раскрывает нам проявление такого мировосприятия, при котором на фоне всеобщего (всеобщая история) раскрывается особенное (существование отдельных народов, деяния исторических лиц, для которых характерно проявление свободы выбора). Именно в этой становящейся открытой для исследования плоскости существования и происходит разграничение моментов, составляющих ряд «мотив – действие – цель» (IV, 21, 2).

Не случайно Полибий придает большое значение характерам исторических деятелей, совершающих выбор и имеющих представление о природных наклонностях противника. Так, план Ганнибала удался, ибо он постиг качества неприятеля (III, 81, 4, 12). Более того, Полибий употребляет особый термин *προαιρέσις* в значении «характер». Его интересуют характеры «субъектов» истории и их природные наклонности, а также мотивы как побуждения к сознательным действиям, значимым с исторической точки зрения (III, 81, 1). Поэтому *προαιρέσις* как преднамеренный выбор, мысленный проект действия есть одновременно выражение внутреннего состояния, склонности, настроения души, а не только интеллектуальной способности. Описанию характера Арата Полибий уделяет значительное внимание (IV, 7, 11). Через описание характеров историк выходит на тему мотивов действий. Полибий прямо указывает на чувство как первую причину (по существу мотив действий): чувство горечи было свойственно Гамилькару, и оно явилось причиной войны римлян с карфагенянами. Причем этот мотив по определению был спроектирован на будущее, будучи изначально нацелен на подготовку к новой войне (III, 9, 6). Точно так же озлобление этолян привело к войне римлян с Антиохом (III, 7, 2–3), а обида Доримаха – к битве при Кафиях (IV, 4, 9)⁴⁴. Позже термин *προαιρέσις* (намерение, свободный выбор, настроение) достаточно широко использовал Эпиктет, придавая большое значение идеалу внутренней свободы, особенно в высказывании оценочных суждений⁴⁵. Для римского сознания, настроенного на совершение поступка, подвига, данное понятие, совмещавшее логический и психологический смыслы и имевшее прямое отношение к сфере человеческой активности, значило слишком много.

У Полибия мы видим не только попытку успешного применения причинно-следственного метода. На наш взгляд, важным обстоятельством является то, что в «Истории» намечены контуры и другого метода исследования, который позволяет говорить об актуальности труда Полибия и сегодня. Так, Х.-Г. Гада-

⁴³ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 140.

⁴⁴ Хотя для ранних стоиков характерна доминирующая роль разумного элемента в *προαιρέσις*.

⁴⁵ Следует отметить, что данный факт свидетельствует в пользу приоритета Полибия и преобладающего влияния его на направление движения философской мысли Поздней Стои. Именно в этих взглядах Полибия можно обнаружить корни того понятия воли, которое мы встречаем позже у Сенеки.

мер⁴⁶, высоко отзывающийся о концепции И. Дройзена, в своем изложении основ герменевтического метода в новых условиях по существу демонстрирует аналогичный метод Полибия, убежденного в том, что «по какой-нибудь части можно получить представление о целом, но невозможно постичь его» (I. 4. 9). Поэтому, продолжает Полибий, «предварительное ознакомление с целым много помогает уразумению частей, с другой стороны, знакомство с частностями много содействует пониманию целого» (III. 1. 7). При этом важна последовательность исследования: лишь сопоставление сходных и различных частей позволяет судить о целом (I. 4. 11). Итак, историк Полибий предлагал единственно приемлемый, по его мнению, метод изучения общих принципов исторического движения, состоящий в движении от целого к частям и от частей к целому⁴⁷. Кроме того, Полибий впервые в античности поставил проблему понимания, столь остро звучащую и сегодня и вызванную к жизни стремлением выработать собственную методологию для гуманитарного знания. Полибий использовал термин ἔννοια (мысль, понятие) в значении именно «понимания»: ἰκοιήν ἔννοιαν τῆς ὅλης ἐπιβολῆς («к должному пониманию целого замысла» – III. 1. 6). Это разъясняет мнение, не слишком подкрепленное доказательствами, о том, что Полибий вполне современен. Динамика самого объекта исследования – истории требует и динамического подхода – понимания произошедшего, активное реконструирование его в мысли.

Полибий, для которого важен момент эпистемологического измерения истории, при объяснении мотивов поступков исторических лиц, получающих первоначальные сведения в форме «предварительного знания», употреблял выражение προλαμβάνουσης τῆς ψυχῆς в значении «предварительное ознакомление души», используя, таким образом, понятие, оказавшееся центральным в теориях познания эллинистических философов-эпикурейцев и стоиков (термин πρόληψις) (III. 1. 7)⁴⁸. Подчеркивая явное преимущество рациональных действий человека вопреки часто иррациональной судьбе, Полибий использует термины λόγος (расчет) (II. 70. 2), а также συλλογισμός (умозаключение) (X. 7. 3). Тактика повествования Полибия корректируется вопросами, которые должны быть правильно поставлены. Проблему правильной формулировки вопросов рассматривали стоики, по-видимому, это была общая проблема (проблема научной критики) эллинистической эпохи.

В заключение отметим, что обнаруженные нами признаки некоторых общих тенденций, характерных для мировоззрения эллинистическо-римской эпохи, которые не могли не повлиять на Полибия, свидетельствуют об исторической значимости некоторых идей и концептов, обусловленных общекультурной логикой эпохи. Обычно, ориентируясь на рационализм античной философии классического периода, ее логическую и онтологическую составляющие, отмечают практический характер эллинистическо-римской философии, ориентированной на

⁴⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

⁴⁷ Не случаен и тот факт, что историографом становится философ-стоик Посидоний, преемник Полибия – эпоха требовала философски мыслящих историков. Проблема части и целого была особенно актуальна для Посидония. По существу он продолжает мысль Полибия, когда предлагает двойкий способ рассмотрения мира: по частям и как целое. При этом метод рассмотрения мира как целого приводит к тому, что части, например Земля, воздух, звезды, объединяются в единое целое по способу их функционирования. Мы назовем этот метод рассмотрения функциональным.

⁴⁸ πρόληψις ἐπιφοι (естественные предпосылки) у стоиков означают укорененную в человеке способность к генерализации чувственных данных об объектах.

этику. Но совершенно очевидно, что фундаментальный труд Полибия впервые показал теоретическую значимость нового предмета исследования – истории, а вместе с ней и гуманитарного знания в целом. Весь отточенный методологический инструментарий концепции Полибия, демонстрирующий явный параллелизм с современными ему философскими концепциями, доказывает, что для эллинистическо-римской эпохи решение теоретических задач, касавшихся особой научной сферы, имело не меньшую значимость, хотя специфика исторического знания диктовала признание его полезности для практического использования на благо человеческого сообщества. Полибий отмечает «пользу нашей истории для настоящего и будущего» (τὸ γὰρ ὠφέλιμον τῆς ἡμετέρας ἱστορίας τε τὸ παρὸν καὶ πρὸς τὸ μέλλον) (III. 4. 8).

Постановка и решение теоретических проблем подстегнули эволюцию историографии, в особенности в той ее части, которая касалась методологии. Рассуждения стоиков о «всеобщем» как фундаментальном принципе мира стимулировали рождение идеи всеобщей истории, которая получила оформление в лице стоически мыслящего историка Полибия и стоика Посидония.

Главное интеллектуальное открытие эллинистическо-римской эпохи, о чем свидетельствует как исторический труд Полибия, так и интенции дискурса стоиков, на наш взгляд, заключалось в следующем. Политический идеал города-государства древних греков, четко выраженный Платоном и Аристотелем, был разрушен, он перестал быть вечным, неизменным идеалом. Практическое опровержение последовало в результате образования эллинистических государств, а теоретическое – осуществил Полибий, засвидетельствовавший факт невиданных изменений исторического характера. Р. Коллингвуд справедливо указывает на суть понимания греками классической эпохи самого понятия «изменения»: речь у них идет об изменении конкретного проявления форм, «набор которых сам по себе неизменен»⁴⁹. Полибий не только усомнился в неизменности этого набора форм, отметив факт существования промежуточных вариантов, но и возвестил о новаторской роли обусловленного совокупностью причин исторического процесса, проявившегося в глобальном масштабе.

POLYBIOS AND THE STOICS: TO THE QUESTION OF SOME CONCEPTUAL-TERMINOLOGICAL PARALLELS

A. S. Stepanova

The historical conception of Polybios is analysed here by means of comparing it with the theory of Stoa. The author considers various facts, such as fragments and terms from Polybios' «History» and the Stoic fragments, among which the concepts of φύσις, κοινός, σύστημα, σωματοειδής, ὀνομακλώσις, τέλος, διάστημα, χώρα κοινός. The notion of φύσις in Polybios, as she maintains, was included in the conception of history. Special attention is paid to the question of causality. The investigation shows that Polybios' scheme must be enhanced by the concepts: αἰτία (cause), πρόφασις (reason), ἀφορμή (occasion), ἀρχή (beginning). The term ἀφορμή serves to denote «causality» rather than «cause». Polybios used not only the method of causality, but also the method that reminded of some principles of modern hermeneutics. Plausibly, it was not due to a special influence of the Stoa on Polybios, but to a general tendency of the Hellenistic and Roman thought, which led to identical result. A research in Polybios' «History» shows that the historical way of thought was still opposed to the mythological tradition.

⁴⁹ Коллингвуд. Ук. соч. С. 200.